

Д.Е. Гришина, Д.Д. Чумаченко

Фракционное соперничество периода правления Ёнсан-гуна и его влияние на политический курс правителя Чосон, 1495—1506 гг.

Аннотация. Ёнсан-гун — десятый правитель корейского государства Чосон и один из двух правителей династии Ли, лишённых посмертного храмового имени. Период его правления часто характеризуется как «тирания»; в аналитической литературе можно встретить описание жестокой политики Ёнсан-гуна, осуществляемой с помощью массовых репрессий. Тем не менее важно отметить, что правление Ёнсан-гуна характеризовалось также стабилизацией общего политического курса правительства и активной вовлечённостью правителя в государственные и политические процессы.

Настоящее исследование ставит своей целью проанализировать репрессии сановников конца XV — начала XVI в. как инструмент стабилизации политических процессов в государстве Чосон и сравнить управленческий стиль Ёнсан-гуна и других правителей династии Ли, снижавших положительные историографические оценки.

Ключевые слова: Ёнсан-гун, Чосон, сарим, хунгу, Капча сахва, Муо сахва, политическая деятельность Чосон конца XV — начала XVI в.

Авторы: Гришина Дарья Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент, Школа востоковедения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Государственный академический университет гуманитарных наук. ORCID: 0000-0002-9418-4677.

E-mail: degrishina@hse.ru, dgrishina@gaug.ru

Чумаченко Диана Данииловна, студентка 4-го курса Образовательной программы «Востоковедение», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: ddchumachenko@edu.hse.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Гришина Д.Е., Чумаченко Д.Д. Фракционное соперничество периода правления Ёнсан-гуна и его влияние на политический курс правителя Чосон, 1495—1506 гг. // Корееведение. 2024. № 4 (9). С. 20—31.
DOI: 10.48647/ICCA.2025.86.99.003.

D.E. Grishina, D.D. Chumachenko

Factional Rivalry During the Reign of Yōnsan-gun and Its Impact on the Political Course of the Chosŏn Ruler, 1495—1506

Abstract. Yōnsan-gun was the tenth ruler of the Korean state of Chosŏn and one of the two rulers of the Yi dynasty who was deprived of a posthumous temple name. The period of his reign is often characterized as “tyranny”; one can easily find descriptions in analytical literature of Yōnsan-gun's cruel policies, which were carried out through mass persecutions. However, it is important to note that the reign of Yōnsan-gun was

also marked by the stabilization of the general political course of the government and the active involvement of the monarch in state and political processes. This study aims to analyze the persecutions carried out in the late fifteenth to early sixteenth centuries as an instrument utilized by the monarch to stabilize political processes in Chosŏn, and to compare the ruling style of Yŏnsan-gun with that of other kings of the Yi dynasty who have received positive historiographic assessments.

Keywords: Yŏnsan-gun, Chosŏn, Sarim, Hungu, Kapcha sahwa, Muo sahwa, Chosŏn politics in the late 15th — early 16th century.

Authors: Daria E. GRISHINA, Ph.D (Korean history), associate professor, School of Asian Studies, National Research University Higher School of Economics, State Academic University for the Humanities (GAUGN). ORCID: 0000-0002-9418-4677. E-mail: degrishina@hse.ru, dgrishina@gaugn.ru

Diana D. CHUMACHENKO, 4th year student of the Educational program “Oriental Studies”, National Research University Higher School of Economics.

E-mail: ddchumachenko@edu.hse.ru

Conflict of Interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citations: Grishina D. E., Chumachenko D. D. Frakcionnoe sopernichestvo perioda pravlenija Jonsan-guna i ego vlijanie na politicheskij kurs pravitelja Choson, 1495—1506 gg. [Factional Rivalry During the Reign of Yŏnsan-gun and Its Impact on the Political Course of the Chosŏn Ruler, 1495—1506.]. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2024, 4 (9): 20—31. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2025.86.99.003.

Ёнсан-гун (имя при рождении: Ли Юн, 1476—1506) — десятый правитель корейского государства Чосон (1392—1897), один из двух правителей династии Ли, которые были лишены посмертного храмового имени¹. Подобное отношение со стороны современников — яркое и, по сути, к тому моменту беспрецедентное² свидетельство отрицательной оценки современниками результатов правления Ли Юна. Показательно, что нарративы современной историографии в целом вторят ситуации начала XVI в.: в современных аналитических работах Ёнсан-гуна нередко характеризуют как «диктатора» или «тирана»³, в целом негативно оценивая период его правления. Причина такой характеристики со стороны историков — массовые репрессии государственных чиновников (так называемые чистки), имевшие место во втором периоде правления Ёнсан-гуна с 1498 по 1506 г.

¹ Другой правитель — это Кванхэ-гун (1575—1641). Можно заметить, что оба правителя, лишённых храмового имени, имеют суффикс «гун» в своём имени. В системе присвоения посмертных имен «гун» означает статус принца. Другие два суффикса, использующиеся в храмовых именах, это «чжо» и «чжон», которые ваны получали посмертно. Если в имени правителя стоит суффикс «чжо», это значит, что в период его правления произошло нечто важное для Чосон (пример: Тхэчжо — основание династии Чосон; Сончжо — Имджинская война). В ином случае правитель в посмертном имени получал суффикс «чжон».

² Ёнсан-гун стал первым правителем в истории корейской государственности, лишенным почетного храмового имени.

³ Примером таких работ может стать отечественный учебник по истории Кореи В.М. Тихонова и Кан Мангиля, а также ряд аналитических работ корейских исследователей, фокусирующихся на изучении отдельных политических реформ Ёнсан-гуна.

Воцарение Ли Юна в 1494 г. совпало с периодом социо-политических трансформаций в стране, проявлением чего стало обострение фракционной борьбы в правительстве Чосон. Начиная с правления Сечжо¹ конфуцианские учёные — сарим — наращивали своё присутствие в органах центральной и местной государственной власти. Пика своего влияния их фракция достигла в правление девятого правителя из династии Ли, отца Ёнсан-гуна, Сончжона². К концу XV в. саримы заняли уверенное положение как влиятельная политическая фракция при корейском правительстве. Они оказывали значительное влияние на решения монарха, обсуждение ключевых государственных вопросов проходило при их непосредственном участии. Однако на этом фоне всё возрастала и конфронтация сарим с другой значимой политической фракцией в правительстве — заслуженных сановников — хунгу³. Именно их предки помогли Ли Сонге⁴ взойти на престол, в связи с чем с момента основания династии Чосон в 1392 г. представители этой фракции пользовались преимущественным политическим влиянием. Это были выходцы из старой аристократии, консервативно настроенные приближённые, иногда родственники королевской семьи. Естественным образом политические цели и амбиции хунгу противоречили целям и амбициям сарим.

Начало правления Ёнсан-гуна было отмечено участвовавшими взаимными обвинениями соперничающих фракций в коррупции, мошенничестве и государственной измене. Ситуация в правительстве была нестабильной, что вело к частым кадровым перестановкам. Например, в первоисточниках отмечается, что только за один месяц должность Тэган⁵ могла перейти от одного человека к другому несколько раз, и так продолжалось вплоть до 1498 г. Поскольку де-юре именно монарх назначал и снимал сановников с государственных должностей, кадровые перестановки трактовались как проявление правителем фаворитизма по отношению к одной или другой фракции.

В контексте эскалации фракционной борьбы важно отметить, что сам Ли Юн воспитывался в окружении приближённых вдовствующей королевы Инсу (1437—1504), матери Сончжона, которая на правах самой старшей королевы во дворце имела значительный политический авторитет и за которой стояли заслуженные сановники хунгу. Представители этой фракции возлагали на Ли Юна большие надежды, отмечая, что кронпринц усердно учится и очень похож на своего отца — правителя Сончжона. Сановники характеризовали будущего монарха как обладателя «великой добродетели» и надеялись, что он «будет наслаждаться добрым путём и сможет служить правительству»⁶, очевидно рассчитывая

¹ Сечжо-ван (세조, 1417—1468) — 7-й ван Чосон, правивший в 1455—1468 гг.

² Сончжон-ван (성종, 1457—1494) — 9-й ван Чосон, правивший с 1489 по 1494 г., отец Ёнсан-гуна.

³ Хунгу — политическая фракция, в которую входили члены королевской семьи и приближённые к ним чиновники. Многие из Хунгу — консин. Главой фракции считается вдовствующая королева Инсу — бабушка Ёнсан-гуна.

⁴ Ли Сонге — основатель государства Чосон, получивший посмертное имя Тхэчжо.

⁵ Тэган — чиновник эпохи Чосон, ответственный за проверку чиновников и их отстранение в случае выявления случаев с коррупцией.

⁶ [Ёнсан-гун ильги, 00.12.25].

на активную вовлеченность Ли Юна в разрешение противоречий между саримами и хунгу в пользу последних. Однако первые же инициативы Ёнсан-гуна в качестве правителя настроили часть консервативных политических элит против него.

Взойдя на престол, Ли Юн выразил желание установить мемориальный камень Сончжона, сохранить его прах и провести ряд буддистских обрядов¹. В ритуалах буддистов это были необходимые действия для упокоения души усопшего². Тем не менее советники-конфуцианцы выразили несогласие с решением молодого правителя и призвали его отказаться от буддистских поминальных атрибутов и обрядов, настаивая на том, что они не являются проявлением сыновней почтительности³, и предостерегая, что, в случае проведения буддийского ритуала, Ёнсан-гун нарушит наставления, которые составил перед смертью Сончжон⁴. Вероятно, сторонники режима девятого правителя Чосон были убеждены, что Ли Юн последует за идеями своего предка. Однако Ёнсан-гун настоял на проведении буддийского поминального обряда, что, на фоне ярко выраженной антибуддистской направленности периода правления Сончжона [Симбирцева, 2012, 40], вызвало неодобрение сановников, как саримов, так и хунгу, поместив молодого монарха в эпицентр их фракционной борьбы.

Осознавая свои ослабленные политические позиции, Ёнсан-гун обратился за поддержкой к родственникам. 1498 г. характеризуется значительным увеличением их присутствия в высших эшелонах власти. Так, например, на должность второго королевского секретаря был назначен Син Сугун [Wagner, 1974, 33], старший брат жены Ёнсан-гуна. Вскоре он был повышен в должности до первого секретаря, что вызвало недовольство у фракции саримов [Там же]. Несмотря на то, что решение Ёнсан-гуна в целом являлось продолжением политики периода правления Сечжона⁵, которую саримы пытались опротестовать ещё двадцать лет назад [Wagner, 1974, 25]⁶, к 1498 г. недовольство чиновников, состоявших в этой фракции, возросло до такой степени, что они начинали выдвигать ультимативные требования выбрать в качестве приближенной лишь одну фракцию — сарим или хунгу — и не наделять королевских родственников дополнительными политическими полномочиями. Однако Ёнсан-гун проигнорировал требования сановников и приказал им вернуться к исполнению своих обязанностей. Когда же в знак протеста конфуцианские чиновники отказались подчиниться правителю, он снял с

¹ [Ёнсан-гун ильги, 00.12.26].

² Считалось, что мемориальный камень или табличка будут хранить в себе часть души, чтобы человек мог переродиться [Симбирцева, 2012, 486].

³ [Ёнсан-гун ильги, 00.12.29].

⁴ [Ёнсан-гун ильги, 01.01.02].

⁵ Сечжон-ван (세종, 1397—1450) — 4-й ван корейского государства Чосон, правивший в 1418—1450 гг. Под политикой Сечжона подразумевается назначение на должности «приближённых людей». Во времена правления Сечжона был основан учёный совет Чипхёнчжон (в частности помогший вану создать корейский алфавит). Чипхёнчжон стал правой рукой Сечжона, с чиновниками велись все обсуждения ключевых законов. В дальнейшем члены Чипхёнчжона получили высокие должности в правительстве.

⁶ Тогда это привело к тому, что ряд чиновников были смещены с должностей.

должности протестующих и назначил на их место более лояльных себе функционеров¹, что окончательно рассорило правителя и чиновников из числа саримов. Последние начали открыто высказывать своё недовольство относительно политического курса Ёнсан-гуна: основные претензии касались поощрения буддистских практик, покровительственного отношения к «брачным родственникам», а также попытки расширить правительственный аппарат [Wagner, 1974, 26].

Помимо эскалации политических противоречий, 1498 г. ознаменовался так называемым *инцидентом Сачхо*, который послужил катализатором первой репрессии чиновников периода правления Ёнсан-гуна — своего рода чистки сановников года Муо (1498). Нескольким чиновникам, политическим союзникам вдовствующей королевы Инсу и, как следствие, представителям фракции Хунгу было поручено составление хроник правления Сончжона. В ходе работы над документом в руки сановников попал черновик рукописи за авторством представителя фракции сарим Ким Ильсона², в котором автор негативно высказывался относительно политического курса, проводимого дедом действующего правителя, Сечжо³. Во время допроса Ким Ильсон объяснил, что действительно написал о Сечжо в негативном ключе, поскольку считал, что казнь шестерых чиновников (так называемый инцидент Саюксин)⁴ была несправедливой, ведь они были патриотами своей страны и отстаивали суверенитет законного правителя Танчжона, который нарушил Сечжо [Wagner, 1974, 40]. Кроме этого, Ким Ильсон рассказал, что сведения для составления записи он почерпнул в неких сторонних источниках [Wagner, 1974, 40].

Сложившаяся ситуация грозила перерасти в династический кризис, поскольку Ёнсан-гун и его отец являлись прямыми потомками Сечжо. Подобное очернение предка в исторических публикациях ставило под вопрос легитимность их правления. В связи с этим к расследованию инцидента правительство подошло крайне серьёзно. Было обнаружено, что Ким Ильсон был учеником Ким Чончжика⁵, представителя группы сарим, известной своим негативным отношением к Сечжо⁶. В доме Ким Ильсона был проведен обыск, в результате которого было

¹ [Ёнсан-гун ильги, 04.02.10].

² Ким Ильсон — историк, чиновник, служащий во время правления Ёнсан-гуна, является представителем фракции Сарим.

³ Негативная оценка Сечжо историком Ким Ирсоном связана с тем, что наставник Ким Ирсона был одним из тех, кто не поддерживал политику Сечжо и его способ прихода к власти [Wagner, 1974, 37].

⁴ Саюксин — «шестеро убитых чиновников». Группа чиновников, организовавшая протесты в период правления Сечжо, призывавшая восстановить на троне внука Сечжона, Танчжона, как законного наследника.

⁵ Ким Чончжик — лидер фракции Ённам-сарим, конфуцианский учёный, политик и писатель. Один из главных оппозиционеров фракции Хунгу.

⁶ Во время правления Сечжо Ким успешно сдал экзамен на государственную должность, однако высокие должности при аппарате центральной власти он занял только в правление Сончжона по личному распоряжению правителя. Когда Ким Чончжик отошел от государственных дел, Сончжон в благодарности за преданную службу приказал выделить ему годовое кормление зерном, отмечая заслуги сановника перед отечеством. Однако несмотря на покровительство со стороны Сончжона, Ким Чончжик продолжал критиковать монарха и его правительство и призывал своих учеников идти против власти потомков Сечжо. Подробнее, см.: Wagner, 1974, 45.

обнаружено письмо за авторством неизвестного чиновника-сарима. Автор письма открыто выражал недовольство политикой Ёнсан-гуна и тем, что правитель не прислушивается к их фракции. В письме были перечислены имена чиновников, которые также поддерживали эту точку зрения. Документ заканчивался призывом к государственному перевороту с целью смещения Ёнсан-гуна¹. В результате инцидента Сачхо, Ёнсан-гун объявил Ким Ильсона и ещё пятнадцать чиновников изменниками. Все они были казнены². Аналогичного вердикта удостоился и Ким Чончжик, причем посмертно — сановник скончался еще в 1492 г. Его тело было эксгумировано и обезглавлено, все экземпляры его работ преданы огню. Последовали репрессии учеников и последователей Ким Чончжика, получившие название «Чистка саримов года Муо» (Муо Сахва), многие сановники были арестованы и отправлены в ссылку³.

Традиционно, в фокусе исследователей событий, связанных с действиями Ёнсан-гуна, считается, что приказ о проведении чистки он отдал лично. Тем не менее есть основания полагать, что основными инициаторами событий 1498 г. был не сам правитель, а члены фракции королевы Инсу, а целью их действий — не обеление фигуры Сечжо, а устранение влиятельных членов фракции сарим. При этом в качестве катализатора событий можно рассматривать публичную критику саримами чиновников-хунгу и обвинения в отношении последних в том, что они назначались на должности не за заслуги, а за то, что были «брачными родственниками». Американский исследователь Виллиам Вагнер, сторонник этого аналитического подхода, считает, что чистку года Муо можно рассматривать как попытку личной мести трёх чиновников, составлявших хроники правления Сончжона. Вагнер отмечает, что в период правления Сончжона, под давлением фракции саримов, эти чиновники были смещены с важных государственных постов [Wagner, 1974, 50]. Между тем саримы продолжали увеличивать своё политическое влияние, а в 1498 г. их фракция начала оказывать давление на молодого Ёнсан-гуна. Принимая во внимание это уточнение, можно сделать вывод, что в событиях года Муо Ёнсан-гун не был субъектен, выступив в роли инструмента мести отдельных представителей обеих фракций.

События 1498 г. склонили чашу весов в пользу фракции хунгу, позволив сторонникам королевы Инсу значительно увеличить свое политическое влияние и присутствие в высших эшелонах власти, в то время как за представителями фракции сарим был установлен жёсткий контроль. Тем не менее ослабление политической позиции не сократило поток критики саримов в отношении правителя. В целом настроенный против этой фракции, Ёнсан-гун трактовал критику своего политического курса как попытку усомниться в его праве на престол, следствием чего стало ужесточение внутривластного курса правителя. После 1498 г. количество арестов государственных сановников резко увеличилось⁴. Однако стоит отметить, что Ёнсан-гун отдал специальный приказ проявлять гу-

¹ [Ёнсан-гун ильги, 04.07.14].

² [Ёнсан-гун ильги, 04.10.12].

³ [Ёнсан-гун ильги, 04.10.12].

⁴ [Ёнсан-гун ильги, 05.01.12].

манизм по отношению к подследственным и заключённым, не злоупотреблять телесными наказаниями и пытками, и при необходимости оказывать им медицинскую помощь¹. Это свидетельствует о том, что, несмотря на аресты, правитель стремился ограничить жестокость по отношению к провинившимся. Тем не менее можно предположить, что этот приказ не соблюдался должным образом: в первоисточниках, описывающих этот период правления Ёнсан-гуна, обнаружены свидетельства произвола со стороны чиновников пенитенциарной системы Чосон — факты жестоких пыток и избиений заключенных².

Необходимо отметить, что усиление репрессивной политики правителя после чистки года Муо положительно сказалось на стабильности политических институтов в стране: после событий 1498 г. смена чиновников на государственных постах стала менее частой, при этом все правительственные органы продолжили работать в привычном режиме³. Важным показательным примером, свидетельствующим о стабилизации государственной власти, может служить работа академии Сонгюнган⁴ — альма-матер всех правительственных чиновников. Несмотря на рост противоречий и усиление недоверия Ёнсан-гуна к конфуцианству как идеологии, которая «вмешивается» в государственные дела, ученики академии продолжили получать достаточную поддержку со стороны правительства для продолжения своего обучения.

Однако спокойствие и политическая стабильность не продлились долго. На рубеже XV и XVI вв. на Корейском полуострове произошёл ряд природных и гуманитарных катаклизмов⁵. Всё это было расценено чиновниками как гнев Небес на Ёнсан-гуна за его неумелое управление государством⁶. В результате в 1502 г. ряд сановников-хунгу из высших государственных органов призвали правителя пересмотреть свой политический курс, чтобы вернуть расположение Небес⁷, а критика Ли Юна со стороны чиновников-саримов приобрела откровенно таргетированный характер. Саримы настаивали на том, чтобы Ли Юн продолжил политический курс своего отца, следовал «Наставлениям о сыновней почтительности», и выражали недовольство тем, что Ёнсан-гун не прислушивается к их советам и пропускает государственные лекции⁸, что, по их мнению, было непозволительно⁹.

¹ [Ёнсан-гун ильги, 03.08.29].

² [Ёнсан-гун ильги, 05.01.12].

³ [Ёнсан-гун ильги, 05], вывод сделан исходя из комплексного анализа записей в «Ёнсан-гун ильги» на следующий год после проведения Капча сахва.

⁴ Сонгюнган — Академия конфуцианства, учебное заведение периода Чосон.

⁵ В 1499 г. была засуха, повлекшая за собой неурожай, голод и, как это часто бывает в аграрных обществах, эпидемию. В 1501 г. случилось несколько землетрясений и падений комет, в 1502 и 1503 гг. катаклизмы повторились. В источниках также зафиксированы случаи смертей людей от удара молний [Ёнсан-гун ильги, 05.04.01].

⁶ Издревле считалось, что благополучие в стране зависит от политики правителя и от реакции неба на его деятельность. Если наступали природные катаклизмы, это значило, что небеса не довольны правителем и что необходимо изменить курс либо правителя.

⁷ [Ёнсан-гун ильги, 08.03.10].

⁸ Имеются в виду лекции кёнъён, которые проводили специально для правителя, где обсуждали вопросы правления.

⁹ [Ёнсан-гун ильги, 08.03.10].

Важно отметить, что нападки как со стороны саримов, так и со стороны хунгу не вызвали незамедлительной реакции правителя: в этот период политический курс Ёнсан-гуна не поменялся. Судя по всему, Ли Юн предпочёл просто игнорировать поступающую в его адрес критику, отчего количество недовольных его правлением сановников продолжало увеличиваться. К началу 1504 г. ситуация во дворце критически обострилась, что в конечном итоге спровоцировало вторую, куда более кровавую волну репрессий в отношении чиновников, в аналитической литературе называемую «Чисткой сановников года Капча» (Капча Саха).

Рассматривая события начала 1504 г., можно утверждать, что все репрессии проводились под предлогом «неуважения к высшей власти», которое замечал Ёнсан-гун в отношении себя или своих предков [Wagner, 1974, 54]. Виллиам Вагнер отмечает, что, по мнению Ли Юна, суверенная власть правителя была безгранична и неприкасаема. Любое оскорбление в адрес монарха расценивалось как сомнение в его суверенности и легитимности [Там же, 65]. Исходя из этих соображений, в начале 1504 г. повторным репрессиям подверглись те сановники, кто, понеся наказание в 1498 г., продолжал не соглашаться с обвинениями в адрес Ким Чончжика и его последователей [Там же, 68]. Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что катализатором репрессий 1504 г. стали именно внутриполитические противоречия между правителем и сановниками. Анализируя эти причины, необходимо обратить внимание на состояние политической конъюнктуры и динамику взаимодействия чиновников с правителем, основы которой были заложены в период правления четвертого монарха династии Ли, Сечжона (1397—1450). Речь идёт об увеличении роли института лекций для правителя по нормам конфуцианской морали и управлению страной «кёнъён (경연)» и введении политической системы «конъгонъжирон (공공지론)».

Лекции кёнъён изначально были заимствованы из Китая в период правления династии Корё (935—1392), характеризовавшимся усилением роли конфуцианства в государственных институтах Корейского полуострова. Это были лекции для государя и членов его семьи [Тихонов, Кан, 2011, 294], читаемые конфуцианскими учёными из «Учебного зала правителя и его наследников (Кёнъёнчхон)» [Концевич, 2013, 150]. Несмотря на то что посещение этих лекций было одной из главных церемониальных обязанностей правителя, в период Корё их содержание носило лишь рекомендательный характер. Тем не менее с установлением династии Чосон и институализацией конфуцианства как общегосударственной социально-политической доктрины, на фоне роста влияния саримов, кёнъён постепенно превратились в инструмент прямого воздействия на политическую деятельность правителя¹. Поскольку в состав Кёнъёнчхон входили представители как саримов,

¹ Показательно, что уже в период правления Сончжона правитель предпринимал попытки противодействовать влиянию лекторов кёнъён. Основная проблема заключалась в различном восприятии роли кёнъён и свода законов Кёнгуктэчжон — полном своде законов, включающем в себя все законы, указы и обычаи начального периода Чосон, составленном в 1474 г. Сончжон полагал, что лекции кёнъён были созданы для того, чтобы получить ответы на насущные вопросы настоящего, в то время как члены Кёнъёнчхона утверждали, что необходимо следовать устойчивым традициям и править с опорой на Кёнгуктэчжон, а сам Кёнъёнчхон лишь исправляет «неверное» мышление вана [Юн Хунпхё, 2013].

так и хунгу, в контексте обострения их политического соперничества каждое обсуждение государственного вопроса в рамках лекций приводило к открытому фракционному противостоянию. К моменту прихода к власти Ёнсан-гуна противоречия между чиновниками достигли своего пика: достижение компромисса стало практически невозможным, а все скрытые политические конфликты стали выходить на поверхность на заседаниях «Учебного зала...» [Юн Хунпхё, 2013]. В отличие от своего отца, с самого начала своего правления Ёнсан-гун не проявлял большого интереса к присутствию на собраниях Кёнъёнчхон: можно предположить, что это поведение правителя было обусловлено стремлением дистанцироваться от фракционной борьбы и принимать самостоятельные управленческие решения. Поэтому постоянные требования чиновников-саримов прислушиваться к их мнению были естественным образом восприняты Ёнсан-гуном как попытка контролировать монарха и приравнять статус чиновников к положению правителя [Юн Хунпхё, 2013], что стало одним из важных катализаторов событий 1504 г.

Еще одним важным фактором можно обозначить существование системы Конъгонъжирон¹, согласно которой принятие решений в отношении приговоров осуждённым и назначения кандидатов на государственные должности являлось результатом консультаций правителя и чиновников [Нап, 2010]. Изначально довольно ограниченная по своему потенциалу, на фоне роста политического авторитета саримов в период правления Сончжона, эта система стала пониматься как невозможность для правителя принимать решения без одобрения сановников. Последнее ставило под сомнение субъектность Ёнсан-гуна.

Таким образом, в связи с существованием двух вышеописанных систем, власть монарха стала носить, по сути, ограниченный характер, что, на фоне прогрессирующего конфликта между сановниками и Ёнсан-гуном, в начале 1504 г. спровоцировало репрессии: правитель использовал этот жёсткий способ для того, чтобы прекратить попытки давления сановников на монарха, в частности на его решения. В этом контексте первые четыре месяца чистки года Капча можно проанализировать как манифестацию политической борьбы Ёнсан-гуна и государственных чиновников.

Ситуация, однако, усугубилась в апреле 1504 г., когда Ёнсан-гуну стали известны подробности истинных обстоятельств смерти его матери².

Ли Юн приказал провести расследование, стремясь наказать причастных. В результате шестнадцать сановников, большинство — представители фракции

¹ Впервые введена в период правления Сечжона.

² Согласно силлоку Сончжона мать Ёнсан-гуна покончила жизнь самоубийством по настоянию чиновников. Госпожа Юн была известна своим своенравным характером, «неподобающим» королеве. После того как она поцарапала лицо Сончжона, чиновники настаивали на наказании за проступок. В 1504 г. один из чиновников раскрыл правду правителю о том, что его матери приказали покончить с жизнью. В отечественной литературе отмечается, что поводом для начала чистки стало обнаружение правителем обстоятельств смерти своей матери, королевы Юн [Курбанов, 2009, 150]. Однако, если сопоставить политическую деятельность Ли Юна с обострившимся конфликтом в министерствах, можно предположить, что казнь виновных в смерти госпожи Юн была если не следствием, то пиком репрессий этого периода: репрессии чиновников начались еще в начале 1504 г., а об обстоятельствах смерти госпожи Юн Ёнсан-гуну стало известно только весной, в апреле.

хунгу, были сосланы или казнены, несколько наложниц Сончжона, предположительно причастные к смерти госпожи Юн, были забыты до смерти [Wagner, 1974, 60]. Эти действия значительно усугубили конфликт правителя с государственными чиновниками: для Ли Юна стало очевидно, что он не может доверять никому. В результате репрессии чиновников приобрели внефракционный и еще более массовый характер. Ёнсан-гун был убеждён, что государственные дела не должны выноситься на обсуждение за пределами дворца, в связи с чем репрессиям подверглись все сановники (и саримы, и хунгу), кто распространял слухи о санкционированных правителем расправах. С целью обнаружения тех, кто ставил под сомнение действия монарха или проявлял к нему неуважение, была проведена проверка органов центральной власти. Спасая себя от гнева правителя, чиновники обречали на смерть своих коллег, выдвигая в их сторону зачастую ложные обвинения в коррупции и непочтительности [Wagner, 1974, 61]. После проверки, к середине 1504 г. было казнено более пятидесяти правительственных чиновников. События года Капча значительно ослабили политические позиции как фракции сарим, так и фракции хунгу, поставив на паузу их соперничество.

Таким образом, анализ причин и обстоятельств репрессий чиновников периода правления Ёнсан-гуна обнаруживает рациональные и утилитарные составляющие действий «тирана». Однако для настоящего исследования представляется важным также критически проанализировать историческую память о Ёнсан-гуне, описывающую правителя и его политический курс в исключительно негативном ключе и акцентированную на репрессивном и деспотичном характере правления Ли Юна.

Ёнсан-гун был не первым правителем в истории государственности на Корейском полуострове, который применял репрессии для укрепления самодержавия. Например, Ли Банвон, будущий правитель Тхэчжон (1367—1422), пришёл к власти в результате междоусобной борьбы с другими наследниками престола¹. Стабильность режима Тхэчжона поддерживалась репрессиями. Любая попытка посягнуть на самодержавие правителя приводила к тому, что чиновников отправляли в ссылку или принуждали к самоубийству [Тихонов, 2011, 293]. Стоит отметить, что вся политика Тхэчжона была направлена на укрепление самодержавия и помогла заложить основу централизованной государственности Чосон [Тихонов, 2011, 294].

Показательным также является пример правления Сечжо. Будучи вторым сыном вана Сечжона, он не мог наследовать престол напрямую, в результате чего управление государством перешло в руки его малолетнего племянника, Танчжона (1441—1457), что стало катализатором роста политической роли сановников. Воспринимая сложившуюся ситуацию как угрозу династии и желая восстановить авторитарный режим управления страной, Сечжо совершил государственный переворот и сверг Танчжона [Тихонов, 2011, 298]. При этом внутривластный

¹ Ли Банвон был пятым сыном Ли Сонге, поэтому, согласно правилами престолонаследия (согласно конфуцианским устоям государства трон наследовал старший сын правителя), он не мог наследовать трон. Однако он не согласился с кандидатурой старших братьев в качестве правителей, что привело к кровавому конфликту [Тихонов, 2011, 292].

курс периода его правления был направлен на устранение недовольных новым режимом чиновников (конфуцианской элиты и сторонников режима Танчжона) и на укрепление самодержавия, в том числе посредством репрессий.

Анализируя политическую деятельность Тхэчжона и Сечжо, можно заметить, что их методы поддержания авторитарной монархии схожи с усилиями Ёнсан-гуна по укреплению самодержавия. Если рассматривать внутривластный курс Ли Юна как способ обеспечения стабильности в государстве, можно прийти к выводу о том, что санкционированные им репрессии были направлены на ограничение политического влияния саримов, поскольку последнее грозило изменениями в сформировавшихся иерархических отношениях и, как следствие, дестабилизацией центральной власти. Всё это позволяет провести условный знак равенства между идеологической составляющей политического курса Ли Банвона, Сечжо и Ли Юна и в широком смысле охарактеризовать периоды их правления как «добродетельную тиранию»¹.

Действительно, трёх правителей объединяет авторитарно-деспотичный стиль правления, предполагающий самодержавную власть. Согласно результатам исследования, проведенного в 2015 г. Корейским институтом передовых технологий², Ёнсан-гун действительно был склонен принимать законотворческие решения самостоятельно, не обсуждая их с сановниками. Важно отметить особенности деспотии Ёнсан-гуна: согласно результатам вышеобозначенного исследования, единственные решения, которые он принимал без обсуждения, — это вопросы выделения средств на личные (прочие) нужды [Bak, Oh, 2015]. При этом решения, находящиеся в плоскости государственного регулирования, вопросов социальной сферы, сельского хозяйства и привлечения к ответственности за проступки, Ёнсан-гун чаще принимал совместно с сановниками. Исходя из вышеприведенного, можно сделать вывод о том, что, хотя Ёнсан-гун в отдельных аспектах демонстрировал авторитарно-деспотичный стиль правления, в целом его паттерн управления страной нельзя назвать самодержавием. Таким образом, в отношении периода правления Ёнсан-гуна более точным определением для описания его политической деятельности представляется термин «авторитарное правление».

Резюмируя вышеизложенное, авторы настоящего исследования пришли к выводу, что, в контексте исторически сложившихся позитивных трактовок периодов правления Тхэчжона и Сечжо, негативные трактовки правления Ёнсан-гуна представляются спорными и неоднозначными. Проведённое исследование закладывает основу для будущих работ в сфере исторической памяти и ревизии наследия периода правления Ли Юна.

¹ Добродетельная тирания — особый вид тирании, при котором, несмотря на жестокую политику правителя, все делается ради блага общества и государства. При этом важно отметить, что термин «тирания» не до конца применим к кейсу Ёнсан-гуна, поскольку он подразумевает насильственный захват власти [Ожегов]. В отличие от Тхэчжона и Сечжо, Ли Юн, будучи старшим сыном правителя Сончжона, унаследовал престол на законных основаниях.

² Корейский институт передовых технологий (KAIST) — ведущий учебный и исследовательский университет Южной Кореи, расположенный в Тэчжоне. Был основан корейским правительством в 1971 г. как первый национальный научный, исследовательский и технический институт.

Библиографический список

Ёнсан-гун ильги: [Дневники Ёнсан-гуна] // Чосон ванчжо силлок: [Истинные записи (правления) династии Чосон]. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kja_000 (даты обращения: 18.12.2023—06.05.2024).

Концевич Л.Р. Мир «Хунмин Чонъыма» // М.: Институт Востоковедения РАН; «Первое марта», 2013. С. 150.

Курбанов С.О. История Кореи. С древности до начала XXI в. // СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. С. 97—151.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://ozhegov.slovaronline.com> (дата обращения: 12.01.2024).

Симбирцева Т. М. Владыки старой Кореи // М.: РГГУ, *Orientalia at Classica*, 2012. С. 39—486.

Тихонов В. М., Кан М. История Кореи // М.: «Издательство «Наталис», 2011. С. 292—301.

Юн Хунпхё. 15 segi marёппутхо 16 segi чунёпКачжи кёнёный пёнмова ыйми. [Трансформация и значение лекции кёнъён конца XV — середины XVI века.] // Ёксава сильсып, 2013.

Bak J.Y., Oh A. Five Centuries of Monarchy in Korea: Mining the Text of the Annals of the Joseon Dynasty // KAIST, Department of Computer Science, 2015.

Wagner E. W. The literati purges: political conflict in Early Yi Korea. // Cambridge: East Asian Research Center: distributed by Harvard University Press, 1974. С. 23—70.

References

Bak J.Y., Oh A. (2015). Five Centuries of Monarchy in Korea: Mining the Text of the Annals of the Joseon Dynasty. KAIST, Department of Computer Science.

Kontsevich L. R. (2013). The World of the “Hunmin Cheongeum”. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, “The First March”. 150 p.

Kurbanov S.O. (2009). History of Korea: ancient times to beginning of XXI century. Saint Petersburg: Saint Petersburg University press. 97—151 p.

Ozhegov S. I. Explanatory Dictionary of the Russian Language. URL: <https://ozhegov.slovaronline.com> (accessed: 12.01.2024).

Simbirtseva T.M. (2012). The rulers of old Korea. Moscow. Russian State University of Humanities, 2012. 39—486 p.

Tikhonov V.M., Kang Mangil. (2011) History of Korea in two volumes. Moscow. Natalis, 2011. Vol. 1. 292—301 p.

Wagner E. W. (1974). The literati purges: political conflict in Early Yi Korea. Cambridge: East Asian Research Center: distributed by Harvard University Press. 23—70 p.

Yeonsan-gun ilgi: [Daily Records of King Yeonsangun] // Joseon Wangjo Sillok: [The annals of the Joseon dynasty]. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kja_000 (accessed: 18.12.2023—06.05.24).

Yoon Hoon-Pyo. (2013). 15segi malyeobbuteo 16segi jungyeobkkaji gyeongyeonui byeonmowa geu uimi: [The Changes and Historical Meaning of the Royal Lecture (Gyeongyeon) from the End of the 15th Century to the Middle of the 16th Century]. Yeogsawasilcheonhagjang.